

С болью за человека

Спектакль «Еврей Леви» Фрайбургского городского театра, поставленный по пьесе Томаса Нитриматтера режиссером К. Брааком, движется в ритмах медленного, мерного шага, которым ступают по земле его герои — шварцвальдский крестьянин Андреас Хоргер и его жена Кресценция. Как будто не только они, но и сам спектакль обут в те же грубые и тяжелые башмаки. И так же немногословен. И так же неутомим в медленном и дотошном развертывании быта — бедного быта, однообразного, деревенского труда в немецкой дальней провинции начала 30-х годов.

Медленный и обстоятельный настолько, что в переполненном зале Новой сцены МХАТа в проезде Художественного театра мгновениями возникает опасность скуки, спектакль позволяет детально рассмотреть себя, услышать себя задолго до того, как трагический конфликт наберет силу. Мы замечаем, что ведра с водой, которые носит Кресценция, — тяжелые; что из-под заступа Андреаса летит настоящая земля. Мы слушаем стук тяжелых башмаков о серые доски пола, мычание коровы, кудахтанье кур, визг живой свиньи, которую, к немалому нашему удивлению, в громадной клетке проносят за кулисы. Мы присутствуем на медленной, молчаливой, почти ритуальной, крестьянской трапезе за неструганым столом, с неизменным картофельным салатом, кровяной колбасой и стаканчиком домашнего вина.

Включение в иную — «чужую» — жизнь усилено и подкреплено тем, как организует художник Г.-Э. Хаббен пространство спектакля. Мы не в зрительном зале, а в маленьком сельском кабачке (сцена как таковая отдана жилищу Хоргеров). Амфитеатр со зрительскими скамьями плавно переходит в площадку со столиками, окружает ее. Там сидят люди, пьют пиво и деревенское красное вино. Слушают баяниста, расположившегося где-то за спинами зрителей. Слушают и диковинную в глуши техническую новинку — радиоприемник, из которого грохочут воинственные марши «третьего

рейха» и диктор уважительно пересказывает очередную речь доктора Геббельса. Люди танцуют, обмениваются фразами, пожилые и помоложе, давно знакомые друг другу, слишком обыкновенные, чтобы походить на артистов. И мы — среди них. Эффект присоединения драматически усиливается, когда прибывшие из города рабочие — национал-социалисты запевают воинственно-хулиганскую песню, а их главарь заходит за ряды амфитеатра, поет, наставляя, требуя, чтобы и мы поддержали пение.

И весь спектакль не только о том, как был затравлен торговец скотом, еврей Леви, давний знакомый и партнер деревенских жителей; как погибли Андреас и его жена, робко пытавшиеся остаться людьми. Весь спектакль — о грехе, о подлости, о том, как допускается зло — в себя, в собственную душу, жизнь, поступки. Он полон раздумий на тему, отнюдь не разрешенную миновавшими десятилетиями. Что может человек в мире? Чего стоит воля человека в тоталитарном государстве? И есть ли у человека выбор, шанс не изменить человечности, не преступить закон нравственности и сострадания к ближнему?

Мы знаем ужасающие кульминации гитлеризма, знаем о лагерях, душегубках, печах крематориев. Но тайной остается само начало, истоки укоренения зла в массах Германии. Спектакль «Еврей Леви» отсылает к началам вторжения фашизма, пока еще не в чужие страны, а в души соотечественников.

Вот они — люди спектакля. Крестьянин Андреас (Ю. Швайцер) — фигура отнюдь не идеальная, патриархальной деревенской благостностью не отмеченная. Неповоротливое тело. Грубое лицо, рубленые фразы. И мысли — медленные, неповоротливые — ворочаются в лобастой голове. Бедняк, упорно ведущий борьбу с нуждой. Хозяин, помнящий о собственной пользе.

Его жена Кресценция (Л. Фельдер) — немногословие, неутомимость, привычная покорность и странная, трогающая в крестьянке,

искаженной повседневным трудом, женственностью и нежностью.

Хирш Леви (К. Вайс) — немолодой, улыбающийся, любезный человек в черном сюртуке, черной шляпе, с молитвенником и собственной песенкой о бедном еврее.

Несчастье зримо воспроизведено в спектакле. И не знаешь, какой лик его страшнее. Тогда ли, когда прижатый лицом и телом к доскам стола в кабачке Леви в ответ на требование нацистов запеть их песню запекает свою? Тогда ли, когда слово «юда» скандируют фашистские молодчики с обезьяноподобным предводителем во главе? Или в минуты оцепенения Андреаса и Кресценции, когда они, немцы, понимают, что стали изгоями, что никто не купит их масло и колбасу, «пахнущую евреем», а стало быть, и дому, и им самим, и этой бедной трапезе со стаканчиком домашнего вина, и этой мычащей за стеной корове грозят гибель и разорение.

Страшные эпизоды спектакля — самые гнилые. Как никогда прямой, в молчании сидит среди беснующихся негодяев Леви. Кресценция голосом детской непреклонности говорит, что нехорошо, стыдно избивать безоружного и одинокого человека. Андреас, попытавшийся остановить пытку над Леви, медленно идет к двери, осыпаясь оскорблениями. Его полное горечи «Я немец» обращено не к фашистам, но к землякам, соотечественникам как безнадежный, последний призыв к сердцу и достоинству.

«Кто виноват?» — спрашивает бесстрастным голосом диктор в финале, сообщив о том, что при таинственных обстоятельствах один за другим погибли — Леви через несколько дней, Андреас и его жена — через несколько лет. «Может быть, мы с вами?» — откликается кельнер, подметающий мусор, оставленный посетителями кабачка. Мы долго помним эти вопросы после спектакля, спектакля безыскусного и ранящего душу, разум, совесть.

В. МАКСИМОВА.